

Scientists in Power in Science and Techno-Utopias ("Flight of the Earth" and "The Transhumanist Wager")

Svetlana V. Shibarshina

Russian Society for the History and Philosophy of Science. Moscow, Russia.
Email: [svet.shib\[at\]gmail.com](mailto:svet.shib[at]gmail.com)

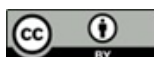
Received: 14 May 2022 | Revised: 30 July 2022 | Accepted: 9 August 2022

Abstract

The article considers the social-political power of scientists and engineers in science fiction illustrated by F. Carsak's "Flight of the Earth" and Z. Istvan's "The Transhumanist Wager". These novels depict scientists and engineers as full-fledged political agents possessing or sharing with others the supreme power and describe situations of conflicts between them and other social groups. The article focuses on how such utopias deal with scientists' social responsibility and interactions between scientists and non-scientists. In F. Carsak's novel, scientists form the social-political group of technas along with technicians and engineers. They behave in a noble, highly moral, hyper-responsible and self-sacrificing way. As for Z. Istvan, he empowers transhumanists who have taken over the world and founded a global technological society; yet, he says nothing about their social and ethical responsibility. Another most important component of the plot is the confrontation between scientists and "ordinary citizens". The author finalizes her article with the following conclusions. First, both novels ignore the complex nature of scientists and engineers as social groups and of the intersection of interests between scientists and non-scientists. F. Carsak portrays the technas as a close-knit community, a collective consciousness endowed with organic solidarity and collective identity. Secondly, both novels are marked with a certain schematicity of the patterns, such as science vs religion, scientists as carriers of progress, etc. Third, both novels appear belletristic manifestos: "The Flight of the Earth" is full of philosophical optimism, while "The Transhumanist Wager" seems a manifesto of techno-scientific rationalism, ethical individualism and rational egoism.

Keywords

Political Agency of Science; Science Utopia; Techno-Utopia; Scientists' Governance; Science and Society; Francis Carsak; Techna; Trills; Zoltan Istvan; Transhumanism

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

К проблеме власти ученых в научных и техно-утопиях (на примере романов «Бегство земли» и «Пари трансгуманистов»)

Шибаршина Светлана Викторовна

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Москва, Россия. Email: [svet.shib\[at\]gmail.com](mailto:svet.shib[at]gmail.com)

Рукопись получена: 14 мая 2022 | Пересмотрена: 30 июля 2022 | Принята: 9 августа 2022

Аннотация

В статье исследуется проблема социально-политической власти научной и инженерно-технической интеллигенции в научной фантастике (на примере романов «Бегство Земли» Ф. Карсак и «Пари трансгуманистов» З. Иштвана). Вышеуказанные произведения выбраны автором потому, что, во-первых, учёные в них являются полноценными политическими субъектами, составляющими фундамент верховной власти. Во-вторых, в романах описывается противостояние между учёными и другими социальными группами. Автор фокусируется на том, как в подобных утопиях решается проблема социальной ответственности учёных и взаимодействия между учёными и не учёными. В романе Ф. Карсак учёные входят в социально-политическую группу текнов наряду с техниками и инженерами и описываются как благородная высокоморальная и гипер-ответственная прослойка общества, готовая на самопожертвование ради научно-технического прогресса. У З. Иштвана это трансгуманисты, путем революции захватившие весь мир и основавшие глобальное технологическое общество: проблема их социальной и этической ответственности здесь не рассматривается. Другой существенной проблемой является противостояние между учёными и «обычными гражданами» как важнейшая составляющая сюжета обоих произведений. В заключении автор приходит к следующим выводам. Во-первых, в обоих романах не показан, либо поверхностно отражен сложный характер социального состава научной и инженерно-технической интеллигенции, а также за рамками остаются сложные пересечения интересов между учеными и не учёными. Ф. Карсак изображает текнов как некую сплоченную общность, коллективное сознание, наделенное органической солидарностью, в духе коллективной идентичности. Во-вторых, у обоих авторов ощущается некая схематичность предложенных паттернов (наука vs религия, учёные как носители прогресса и т.д.). В-третьих, оба романа напоминают художественные манифесты: «Бегство Земли» – манифест научно-технологического и социально-философского оптимизма, «Пари Трансгуманистов» – манифест техно-научного рационализма, этического индивидуализма и рационального эгоизма в обертке трансгуманистической идеологии.

Ключевые слова

политическая субъектность науки; научная утопия; техно-утопия; власть учёных; наука и общество; Франсис Карсак; текны; триллеры; Золтан Иштван; трансгуманизм

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\)4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Развитие современного общества, формирование высокотехнологичной экономики подразумевают активное использование научно-технического знания. При этом область науки и технологий приобретает определенный политический статус, связанный со всё большей возможностью оказывать влияние на принимаемые политические и социальные решения. Развитие научного знания приводит к формированию новых социально-политических повесток, где важнейшими вопросами становятся программы трансгуманизма, формирования новой «зеленой» экономики, так называемого «умного» движения¹ и т.д. Вместе с тем в настоящее время научно-технические проблемы всё чаще выносятся на широкое общественное обсуждение, а взаимодействие науки и иных социальных акторов трансформируется в ответ на изменяющийся научный, социальный, политический, экономический и прочий контекст.

Современные исследования политической роли науки обращаются к анализу политико-экономической составляющей науки и техники и роли науки в принятии экономических и политических решений, к определению специфики технонауки и механизмов управления в этой области, к вопросу о науке как общественном благе и т.д. При этом дискуссионным остаётся вопрос о том, превратило ли это науку в политический субъект (Касавин, 2020, с. 3). Несмотря на существенное значение, которое область науки и техники имеет в становлении европейской цивилизации, вряд ли можно утверждать, что это сделало ученых полноценной социально-политической силой. В сегодняшнем политическом климате наука «не участвует в политике независимым образом в качестве самостоятельного актора», равноценного участника политических процессов (Порус, Бажанов, 2021, с. 15).

Кроме того, следует иметь в виду распределённый характер современной науки как социального института, который не исчерпывается научным сообществом как участником производства и экспертизы научного знания. С этой точки зрения, наука в целом «не является целостным, властным» политическим субъектом, «не представляет собой скоординированной системы коммуникации и субординации» (Касавин, 2020, с. 12). В обсуждении научных открытий, новых технологий и их последствий принимают участие различные политические и социальные группы. Это дает возможность учёным привлечь на сторону науки и технологий больше сторонников и одновременно с этим усложняет задачу продвижения научных интересов в социально-политическом поле в контексте многоакторности социального процесса.

Возможна ли ситуация, в которой научно-техническая интеллигенция играла бы решающую роль в социально-политическом управлении? Подобное

1 (От англ. smart). Под ним также понимается внедрение IoT в управление всеми процессами на планете, хотя существуют и другие трактовки.

реализуется в научно-технических утопиях, основанных на сциентократии (власти учёных) либо технократии (власти научно-технических специалистов). Идеи Ф. Бэкона о государственном устройстве научного исследования, изложенные им в утопии «Новая Атлантида» (Bacon, 2010), по сути заложили мировоззренческие основания для выделения особой области науки и технологий, а также её представителей в качестве существенной политической силы. В подобной ассоциации утопия Ф. Бэкона нередко прочитывается как убеждённость в том, что не существует границ господства людей над окружающим миром. Ряд трансгуманистов также видят в нём одного из своих предтеч (More, 2013; Hughes, 2012; Whitney, 2018 и др.), угадывая в «Новой Атлантиде» прообраз «прототрансгуманистической утопии без рабства и бедности, управляемой религиозно терпимой научной элитой и сосредоточенной на исследовании, нацеленных на то, чтобы “все вещи стали возможными”» (Hughes, 2012, p. 758).

В рамках бэкониианского представления учёные имеют особый, высокий статус в обществе, образуя своего рода орден, пользующийся исключительным положением в стране, полной государственной поддержкой и почестями, владеющий природными ресурсами, зданиями, коллекциями, инструментами. В контексте всего наследия Ф. Бэкона его проект «Великое Восстановление Наук» подразумевает «жёсткое разделение научной и профанной сфер жизни» (Дмитриев, 2015, с. 10). Доступ к знанию возможен только для «посвященных», а все остальные просвещаются с ведома эпистемократов и знакомы, как правило, лишь с конечным продуктом некоторых научных открытий. Подобное привилегированное положение наделяет научное сообщество особой социально-политической силой, важной в контексте дискуссии о политической субъектности науки.

В той или иной степени, высокий социально-политический статус научной и инженерно-технической интеллигенции прослеживается в ряде научно-фантастических произведений, к примеру, в социально-фантастической повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» (1964). Учёные здесь всемогущи, но предпочитают не вмешиваться напрямую в ход истории, «помогая» историческому прогрессу. При этом их образ вполне соответствует широко распространённым представлениям о людях науки, сложившимся в СССР конца 1950-х – начала 1960-х гг. (Филиппов, 2021, с. 496). Советская научно-академическая интеллигенция того периода вообще самоидентифицировалась как особая, элитарная группа, что обусловлено социальными условиями развития науки в Союзе тех времен: престижем научной и академической деятельности, высокими общественными ожиданиями от науки, а также созданием особой среды для плодотворных научных исследований – относительно автономных научных центров (там же).

Вообще говоря, в советской масс-культуре образ учёного-героя, подвижника был весьма распространен, особенно в эпоху Сталина, будучи частью общей культурно-идеологической стратегии, основанной в том числе

на конструировании «людей новой эпохи» (см., напр. Абрамов, 2013, с. 84). Образы «благородных» учёных плотно населяли советскую массовую культуру, включая научную фантастику. Неслучайно в Советском Союзе был популярен Франсис Карсак (псевдоним французского учёного, геолога, археолога и писателя-фантаста Франсуа Борда (фр. François Bordes; 1919–1981)), предложивший образ учёных у власти, способных решать любые глобальные проблемы, высокоморальных, далеких от корысти, действующих во благо науки и социального прогресса.

Тема успешности политической власти научной и технической интеллигенции обнаруживается также в современных художественных произведениях, к примеру, З. Иштвана, обретая при этом новые грани интерпретации.

Утопия Ф. Карсака как пример научно-технологического и социально-философского оптимизма

Никогда не отчаивайтесь! Даже если будущее покажется вам беспросветным, даже если вы узнаете, что ваша цивилизация исчезнет под ладами нового палеолита, не прекращайте борьбу! (Ф. Карсак «Бегство Земли»)

В научно-фантастическом романе «Бегство Земли» (Terre en fuite, 1960; на русском языке впервые опубликован в 1972 г.) рисуется картина героических подвигов учёных и инженеров, а также их противостояния с другими социальными группами (Карсак, 1972). Землянин по имени Орк Акеран делает масштабное по своим последствиям астрономическое открытие, свидетельствующее о том, что через несколько лет Солнце взорвется и поглотит большую часть Солнечной системы, включая Землю. Правительство человеческой цивилизации приходит к решению, которое подается в романе как единственно правильное, – установить сверхмощные космомагниты на полюсах Земли и Венеры (эта планета также давно колонизирована людьми) и отбуксировать небесные тела, включая Луну, в соседнюю звёздную систему. Уровень поставленных задач предельно высок, и решить их необходимо меньше чем за десятилетие.

Роман повествует о далеком будущем Земли, в котором человечество состоит из двух непропорциональных по численности групп **текнов** и **триллов**. Первые – меньшинство, являющее собой основу научно-технического прогресса человечества: это учёные, исследователи, инженеры, техники, врачи. Вторые – большая часть населения планеты, включающая всех остальных.

Текны являются верховной властью планеты, формируя Совет Властителей, включающий самых компетентных специалистов в своей области (Властителя Неба – главного астрофизика; Властителя Жизни – главного биолога и т.д.). Помимо них существует Правительство триллов, которое

должно работать в чёткой координации и согласии с Советом. При этом рассказчиком с самого начала оговаривается, что текны властью не злоупотребляют.

Разделение на группы возникло на одном из витков человеческой истории, когда земляне выработали совместную стратегию по поводу того, как быть с новейшими технологиями и фундаментальными знаниями. Неконтролируемый доступ грозил подорвать само существование человечества, и решено было перепоручить контроль над наукой исключительно текнам. Последние при этом не являются замкнутой или наследственной кастой. Разделение на текнов и триллов происходит путём специальных экзаменов-испытаний после окончания учебного заведения, и каждый учащийся в зависимости от своих способностей и наклонностей получает звание текна или трилла. Трилл, который позднее проявляет какие-либо способности к науке, может ходатайствовать о переводе его в категорию текнов, что, однако, случается редко. Может произойти и обратное, если Совет уличит текна в нечистоплотности.

При этом вряд ли можно утверждать, что Ф. Карсак предлагает модель особой «касты учёных». Скорее он, на наш взгляд, тестирует на страницах романа идею о компетентных и ответственных учёных, которые объединились в огромную всепланетарную корпорацию ради управления человечеством. По словам рассказчика (им является главный герой, Орк Акеран), между двумя группами нет ни соперничества, ни вражды, поскольку звание текна в обычное время не даёт никаких общественных преимуществ. Зачастую в одной семье уживаются и триллы, и текны. Каждый ребенок от рождения имеет одинаковые права, и общество описывается автором как подлинно демократическое (демократическое в понимании Ф. Карсака). Вместе с тем о полном равноправии речь в романе не идёт.

Основой цивилизации является представление о науке как о могучем, благородном и очень опасном оружии, поэтому научные открытия доверяются проверенным людям, не имеющим корыстных интересов в их использовании. Полуобразованные дилетанты считаются опасными, поэтому *отсутствует открытое массовое научное просвещение*. Здесь, на наш взгляд, прослеживается ненамеренное сходство с моделью организации науки в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона, где доступ к научному знанию строго ограничен узким кругом посвящённых, что в бэкониианской утопии гарантирует развитие науки исключительно во благо общества (Schwartz, 2014).

В «Бегстве Земли» ситуация в той или иной степени схожа. Текны должны торжественно поклясться перед Советом Властителей, что никогда никому не откроют никаких научных знаний, кроме тех, которые можно распространять. Клятва подразумевает, что текн способен превзойти собственную гордость, тщеславие, корысть, небрежение и любые политические расчеты и не имеет права разглашать научные сведения триллам без разрешения

Совета Властителей. Закон текнов суровее и требовательнее закона триллов, поскольку текны несут особую ответственность перед всем человечеством, причем как перед современниками, так и потомками. Среди текнов же никаких ограничений не существует, и между собой они могут свободно обсуждать любую проблему, даже если работают в разных областях.

Существует ли при этом равноценное разделение власти между текнами и триллами? На наш взгляд, нет. Описываемая цивилизация представляет собой единое глобальное сообщество, подчиненное единому правительству – Совету Властителей. Сосуществование текнов и триллов напоминает следующую ситуацию: в процессе обсуждения и принятия решений формально могут участвовать и те, и другие, однако ряд высших органов управления закрыт для непосвященных. Что примечательно, описываемые Карсаком сюжетные перипетии наводят на мысль о том, что именно подобным образом организованное человечество легче мобилизовать на глобальные проекты, нежели общество, построенное на принципах делиберативной демократии. В самом деле, когда астрофизики выяснили, что Солнце в ближайшем будущем должно взорваться и уничтожить огненным ураганом Меркурий, Землю и всю Солнечную систему, Совет Властителей наук через правительство триллов ввел закон Алькитта, который позволял Совету в случае необходимости мобилизовать все энергетические и людские резервы Земли и Венеры, и с этого момента всё на обеих планетах было подчинено одной великой цели.

Франсис Карсак в своём романе-утопии выступает с позиции научного и, шире говоря, философского оптимизма. В духе своего предшественника Жюль Верна он пишет свой роман в эпоху технологического и социального оптимизма, на рубеже 1950–1960-х годов. При этом верно и то, что утопиям в целом свойственно гипертрофировать тот мировоззренческий фундамент, на котором они основаны. Как отмечает Е.Л. Черткова, и для утопизма в широком смысле слова, и для сциентизма характерны гипертрофированный негативизм в отношении иных способов познания, которые трактуются как ненаучные, иррациональные (Черткова, 2010, с. 267).

С первой же главы читателю передается авторская уверенность в том, что какая бы катастрофа ни грозила отдельному человеку и всему человечеству в целом, человечество – прежде всего в лице научной и инженерно-технической интеллигенции – способно с помощью разума, научного творчества, практики и создаваемых технологий решать глобальные проблемы. В частности, Орк, как всякий текн, «воспитан на мысли, что человек может и должен бороться с враждебными силами природы», и ему «трудно было поверить, что кто-то думает иначе» (Карсак, 1972), в чем опять видятся отголоски социально-философского оптимизма самого автора и его эпохи.

«Изнаночная» сторона утопии, или сопротивление триллов

– А кто подтвердит, что всё это правда?
Вы мне можете это доказать?

– И вы ещё были текном! – с горечью воскликнул я. – Неужели вы думаете, что можно так просто доказать нечто бесконечно сложное? Мне самому понадобилось несколько недель, чтобы всё понять до конца.

– Иными словами, вы отказываетесь?

– Я просто не могу. Поверьте, я предпочел бы вас убедить с цифрами в руках...

– В таком случае мне здесь больше нечего делать.

(Ф. Карсак «Бегство Земли»)

Хотя рассказчиком и утверждается, что между текнами и триллами нет противоречий, обнаружение опасности глобальной катастрофы активизировало весьма нетерпимую часть населения из триллов – фаталистов. Следует отметить, что в романе большая часть людей будущего – атеисты; тем не менее, некоторые верования еще остались. Среди них «верование Книги Киристан», что, по всей видимости, созвучно современному христианству. Часть киристан упорно сопротивляется идее спасения человечества, утверждая, что если Солнце взорвётся, значит, такова судьба, фатум, рок, и Земля должна погибнуть. По мнению фаталистов, спасая свою плоть, люди губят душу, и солнечный огонь должен очистить их. По словам текнов, они основывают свою веру на «всяких вздорных пророчествах, сохранившихся в священных книгах киристан» (Карсак, 1972). При этом законы карсакской цивилизации гарантируют свободу мысли и вероисповеданий, и полиция не может арестовать человека лишь за его верования.

Вполне вероятно, здесь Ф. Карсак отразил реальные настроения, возникшие в послевоенном европейском обществе и отмеченные враждебностью по отношению к науке и технологиям. После Второй мировой войны оптимистичная вера в разум и науку стала уступать всё большей убеждённости в том, что именно научно-технический прогресс стал причиной массовых разрушений и страданий. Часть общественности опасалась непредсказуемости практических и моральных последствий развития науки, того, что она по сути своей «вмешивается в естественный порядок вещей» (Hobsbawm, 1994, p. 530; Schirrmacher, 2013, p. 393).

Отразил Ф. Карсак и известную проблему популяризации науки: как доступно объяснить научное знание не учёному? В его романе текны ничего не могут объяснить триллам: метод расчётов, позволивший обнаружить, что Солнце скоро взорвется, доступен лишь нескольким десяткам мате-

матиков на всей планете. Как отмечает рассказчик, текны «сами стали жертвами своей старой политики значительного ограничения знаний масс», и теперь из-за нее «не могли объяснить народу, насколько реальна была нависшая над ним угроза, причём объяснить так», чтобы их поняли (Карсак, 1972). Мало того, среди самих текнов лишь немногие могли усвоить выдвигаемые доказательства. Таким образом, даже сам автор намекает на неидеальность описанной им модели социума, управляемого Советом Властителей Наук.

Если соотнести описываемую ситуацию с реальностью, мы можем обнаружить, что современная экстра-научная коммуникация часто сталкивается с этическими коллизиями. В идеале основной задачей коммуникатора становится максимально объективная и доступная для понимания передача научных знаний не-экспертной аудитории. Однако на практике всё гораздо сложнее. Как отмечают Роберт О. Кохейн и его коллеги, применение этических норм в экстра-научной коммуникации зависит от характера аудитории, с которой взаимодействуют ученые, а также от целей общения (Keohane, Lane & Oppenheimer, 2014, p. 349–350). Более того, данные нормы могут вступать в конфликт друг с другом.

В частности, они указывают на коллизию между точностью, тщательностью и прозрачностью научного сообщения, с одной стороны, и релевантностью сообщения для аудитории, с другой (2014, p. 353). По словам Оноры О'Нил, передача научного знания «этически приемлема только тогда, когда она происходит в форме, доступной для понимания и оценки аудиторией» (2002, p. 186). То есть качественное с точки зрения научного дискурса объяснение может показаться «китайской грамотой» обывателю и, таким образом, оказывается неприемлемым. В определенных случаях, как отмечает С. Джон, даже честность может вступить в конфликт с релевантностью сообщения для аудитории, будучи опасной (2017). Например, учёные могут считать правдоподобными определённые выводы относительно изменения климата, сделанные на основе проведённых исследований, которые ещё не прошли процесс научного рецензирования. Однако делиться подобными выводами с общественностью было бы этически неуместно.

В романе Ф. Карсака текны оказываются не в состоянии решить данную проблему, адекватно объяснить сложное научное открытие и убедить радикально настроенную часть триллов в своей точке зрения. Главный герой Орк Акеран, назначенный Координатором общего проекта по спасению цивилизации, вынужден встретиться на личных переговорах с Ужяхом, главой экономистов, который изначально был отнесен к текнам, однако в 17 лет исключен из этой категории как неспособный заниматься науками и властолюбивый. Глава экономистов настаивает на отмене привилегий текнов и передачи общего руководства проекта по спасению правительству триллов; также он обвиняет Совет в распространении сознательной лжи относительно буду-

щего состояния Солнца. Ужых требует неопровержимых доказательств того, что людям грозит катастрофа. Главный герой замечает в ответ, что нечто бесконечно сложное невозможно доказать в двух словах, однако лидер экономистов решает, что ученый просто не желает ничего ему объяснять, и прекращает дальнейшее общение с Координатором. На наш взгляд, Ужых в данном случае воплощает собой «обывателя», «широкую публику», приписывая мотивам учёных лишь пустое любопытство к тому, что находится за пределами изученной части Космоса.

Поскольку мирный диалог между текнами и триллами не состоялся, последовало восстание триллов, устроенное фаталистами и включавшее террористические акты, преследования и убийства текнов. Здесь мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда учёные решаются на крайние насильственные действия. Совет принимает решение убить всех мятежников, объясняя это тем, что нельзя «позволить этим кретинам отнять у человечества единственную возможность выжить ради удовлетворения их мании» (Карсак, 1972). Это позволило осуществить проект «бегства» Земли и Венеры.

В романе триллы, можно сказать, олицетворяют вненаучные круги в связке «наука–общество», в настоящее время именуемые «обычными гражданами», «профанами», «не учёными», «обывателями», «широкой публикой» и т.п. Карсак показывает определенные дилеммы взаимоотношений между учеными и не учёными на показательном примере внештатной ситуации глобальной угрозы. Однако в обычное время их отношения описываются как относительно гармоничные и бесконфликтные, что в действительности выглядит довольно утопично. Почему религиозная группа фаталистов проявила себя только в ситуации глобальной угрозы? Неужели до этого они молчаливо принимали все решения Властителей Наук? Делая скидку на то, что это художественный вымысел¹, отметим, что многие аспекты сосуществования различных социальных групп не освещены автором, поскольку этого не требовал задуманный им сюжет. Здесь нет места описанию и оценке публичных дискуссий: социальные, технические, политические и прочие проблемы решаются в ходе собрания Совета должностными лицами. По всей видимости, отчетность перед широкой публикой и учёт её мнения сведены к минимуму.

Подобное обстоятельство вполне объяснимо с точки зрения более широкого социального контекста эпохи написания романа: модель общественного участия в процессах производства и оценки научно-технического знания и его продуктов стала развиваться позже 1960-х гг. Исторически информирование общественности о научной деятельности было инициировано самим научным сообществом, а не широкой общественностью, что связано с потребностью научного сообщества в общественной поддержке и средствах на проведение исследований (Абрамов, Кожанов, 2015, с. 49). Кроме того, в 1960-е гг.

1 Ограниченные проблематикой исследования и объёмом статьи, мы оставляем за рамками обсуждения вопрос об эстетической деконструкции реальности в романе.

господствовал формат научной коммуникации, получивший название модели когнитивного дефицита (Bucchi, 2008), которая не учитывала интересы и потребности самой общественности, культурный контекст своей разнообразной аудитории. Соответственно, вряд ли справедливо упрекать Ф. Карсака в отсутствии у него современного представления о делиберативно-демократическом участии общественности в экспертизе науки и технологий. Кроме того, социально-политический статус текнов и не требовал завоевания социальной поддержки.

Тем острее воспринимается конфликт между текнами и триллами. Напомним, что сама сложность цивилизации, описанной Карсаком, требовала, чтобы правительство было коллегиальным со строгим иерархическим разделением функций. В определенной степени это напоминает идею эпистемического разделение труда, описанную, к примеру, Филипом Китчером. В рамках подхода Китчера учёные представляются обладателями исключительных компетенций, делающих их ответственными за порождение знаний наивысшей эпистемической ценности (2011). Китчер не обсуждает всерьёз возможность реального участия общественности в экспертизе. Однако карсак-овская картина отношений между учеными и не учёными заходит куда дальше и исключает даже научно-техническое просвещение масс.

Власть учёных Ф. Карсака и трансгуманистическая утопия З. Иштвана

Описанная Ф. Карсаком картина отношений между текнами и триллами выглядит более гуманной по сравнению с техно-утопией современного писателя-трансгуманиста Золтана Иштвана, который в «Пари трансгуманистов» (The Transhumanist Wager, 2013) отразил противостояние, с одной стороны, между сторонниками свободы научного прогресса и противниками религии, а с другой – техноалармистами, включая религиозных фундаменталистов (Istvan, 2013). В конце показана тотальная победа первых, вкупе с наступлением трансгуманистического «рая», не допускавшего альтернативных трансгуманизму идеологий и построенного буквально на костях противников трансгуманизма. В целом, как и у Карсака, власть научной и инженерно-технической интеллигенции описывается Иштваном положительно. Оба автора не прорабатывают подробно этические и моральные аспекты всевластия науки, сциентистского мировоззрения и социального проектирования. При этом Карсак, в отличие от Иштвана, акцентирует некоторое внимание на строгом осознании учёными своей социально-этической ответственности в деле научных открытий. Текны должны руководствоваться исключительно общественными интересами в реализации своего научного призвания (это напоминает принцип внезаинтересованности в этике науки Роберта Мёртона), а также не имеют права разглашать триллам информацию о научных открытиях. В романе Иштвана научно-техническое просвещение,

напротив, не просто открыто для всех, но и активно насаждается среди широких слоёв населения. При этом у него отсутствуют какие-либо указания на ответственность научной и инженерно-технической интеллигенции перед обществом. Демократическая партиципация у Иштвана также отсутствует.

Далее, у Иштвана философско-мировоззренческий фундамент романа завязан на идеях рационального и этического эгоизма, на безоговорочном принятии принципа индивидуализма, отвергающего любые формы коллективизма и примат общественных интересов над индивидуальными (подр. см.: Шибаршина, 2021). По замечанию М. Хаускеллер, это своего рода «леденящая кровь смесь технофилии, этического эгоизма, социального дарвинизма, антирелигиозности, антиконсюмеризма, антиэгалитаризма и противостояния концепции всеобщего благосостояния» (Hauskeller, 2016, p. 93). Карсак, наоборот, описывает общество, которое, хотя и построено на рациональных началах, но нацелено прежде всего на общественные приоритеты – вплоть до ситуаций подвижничества ради науки (пример главы археологической экспедиции на Марс, который отдал свою жизнь, чтобы передать согражданам знания о необходимых им технологиях космических путешествий). В рамках типологии Р. Хейнс, выделившей несколько наиболее распространённых стереотипов учёных в западной поп-культуре (Haynes, 2003, p. 244), роман Карсака населяют исключительно благородные учёные и инженеры. Безумных и злодеев среди них нет – однако они имеются среди радикально настроенных триллов (фаталистов и экономистов), что весьма показательно. По сути, Карсак рисует эпическую картину борьбы добра (наука и техника) со злом (противники науки и техники).

В «Пари трансгуманистов» главный герой Джетро Нйтс, будущий лидер новой трансгуманистической цивилизации, в студенческие годы посетил форум, где стал свидетелем протеста представителей религиозных конфессий – противников трансгуманизма. Трансгуманисты были представлены небольшой командой, включавшей робототехников, исследователей в области продления жизни, специалиста по крионике, генетика, вирусолога, эксперта по клонированию, специалиста по биоэтике, программиста искусственного интеллекта и т.д. Демонстранты же, более 5000 человек, заполнили улицу перед зданием, где проходил форум; некоторые пришли также и на форум. Протестующие несли транспаранты и вывески: «Искусственный Разум нас уничтожит», «Клонирование – это зло», «Быть человеком значит оставаться человеком», «Биология и Машины никогда не должны сливаться» и т.д. Однако серьёзного обсуждения проблемы трансгуманизма не было до тех пор, пока Нйтс неожиданно не произнес речь – обычный студент философии, чьё выступление не было запланировано. Провокационные заявления Нйтса, а впоследствии и его диссертационная работа, в которой он предложил разработанный им манифест трансгуманизма, обратили на него внимание Президента Всемирного трансгуманистического института.

Несколько позже Найтс попал в список наиболее опасных трансгуманистов, который составлял для себя самопровозглашенный проповедник Церкви Искупления, преподобный Белинас. Последний действовал публично как известный «моральный лидер», оказывающий влияние на общественное мнение и видных политиков, настраивая их против радикального технологического прогресса и фактически ведя социально-политическую войну против трансгуманистического движения. Белинас похитил Найтса, пытаясь избавиться от лидера трансгуманистов, однако будущий глава глобального государства был спасён своими единомышленниками и созданными ими роботами.

В определенном смысле конфликт между трансгуманистическим и радикальным религиозным лагерем напоминает конфликт текнов и триллов (а точнее фаталистов). С одной стороны, противники науки и технологий в обоих романах не настроены на диалог с учёными и готовы к применению насилия для достижения своих целей, с другой же – трансгуманисты и текны так же готовы идти на крайние меры, включая насилие. Найтс начинает глобальную трансгуманистическую революцию и сокрушает противостоящие ему правительства различных стран. При этом он идет гораздо дальше Совета Властителей в «Бегстве Земли», и после установления глобальной диктатуры Трансгумании любые религиозные, политические и мировоззренческие движения оказываются официально запрещенными, в то время как у Карсака религии имеют права на существование. В Трансгумании основной предпосылкой технократии становится насильственно внедряемая вера в то, что наука и технологии с тотальной рационализацией всего – единственный путь к социальному прогрессу и всеобщему счастью. В принципе, в описанном Иштваном сценарии развития романа трансгуманистическая идеология становится своего рода новой религией (Шибаршина, 2021, с. 79), если трактовать последнюю расширительно и не строго.

Хотелось бы к этому добавить, что религия далеко не всегда противостоит науке, тем более в современном мире. Что касается философии, хрестоматийным примером является религиозный космизм; кроме того, в настоящее время существует движение религиозного трансгуманизма (см., напр.: Cole-Turner, 2011; Mercer, Trothen (eds.), 2015) и т.д.

В обоих романах либо вообще не показан, либо поверхностно отражен сложный характер социального состава научной и инженерно-технической интеллигенции. За рамками остались сложные пересечения интересов как разных групп, её составляющих, так и пересечения интересов между нею и не научными группами. Конфликты между различными социальными силами представлены в эпическом духе борьбы добра со злом – учёных и фанатиков-алармистов. И фаталисты с экономистами, и противники трансгуманизма типа Белинаса описываются скорее как опасные безумцы, нежели социальные субъекты со своими мотивами, желаниями, чаяниями и оправданиями.

Ф. Карсак изображает текнов как некую сплочённую общность в духе идей Э. Дюркгейма и других социологов о коллективном сознании, органической солидарности, этосе определённой социальной группы, коллективной идентичности. За рамками остается микро-описание повседневной жизни учёного: в картине Карсака перед нами предстает повседневность на мега- и макро-уровне как нечто типичное для жизни определённой группы людей, объединённой общими ментальными установками, стереотипными реакциями на окружающий мир, где поведение отдельной личности предстает в виде функции господствующего в данном социуме мировоззрения. Не зря рассказчик периодически выдает либо собственные, либо исходящие от других текнов стереотипные реакции на те или иные ситуации. (К примеру, Орк как типичный представитель научной интеллигенции не испытывает симпатии к начальнику секретной информационной службы Совета Властителей, а также недоумевает при виде упорства фаталистов).

Выводы

В целом следует заметить, что и Ф. Карсак, и З. Иштван демонстрируют схематичность предложенных паттернов (наука vs религия, учёные как носители прогресса и т.д.). Оба романа напоминают художественные манифесты: «Бегство Земли» – манифест научно-технологического и социально-философского оптимизма, «Пари Трансгуманистов» – манифест техно-научного рационализма, этического индивидуализма и рационального эгоизма в обертке трансгуманистической идеологии.

Одновременно с этим в обоих произведениях политическая субъектность науки достигает автономии и полноценности, однако это происходит за счёт доминирования сциентизма, научной рациональности и либо вытеснения, либо подчинения научному разуму альтернативных форм разума и практики. В целом, подобная картина нередко наблюдается в утопиях вообще – не зря в XX веке они начинают зачастую восприниматься как анти-утопии. Декларируемая вначале гармония между текнами и триллами оборачивается конфликтами и нестабильным перемирием, хотя, как было упомянуто выше, именно неочевидное, но фактическое доминирование текнов сделало возможным спасение описанной Карсаком цивилизации. В романе же Иштвана социально-политическая победа трансгуманистов позволила уцелевшему человечеству сделать рывок в технологическую сингулярность. В связи с этим возникает вопрос: насколько делиберативное участие широкой публики в процессе оценки науки и технологий способствует / препятствует научно-техническому прогрессу? По сути, научные утопии / техно-утопии представляют собой мысленные эксперименты, тестирующие идею социально-политической власти научно-технической интеллигенции, и выбранные нами авторы фактически указывают на вредность включения не учёных в столь важные вещи. Безусловно, об этом говорилось уже давно (см., напр., «Государство» Платона,

где каждому сословию положено свое место), и ряд более современных утопий как бы следует за классиками. Мы же хотели бы сделать из анализа выбранных утопий три основных вывода: (1) возрастание социально-политической роли научно-технической интеллигенции чревато усилением когнитивного и социально-политического неравенства (об этом свидетельствуют оба романа); (2) участие масс в решении глобальных проблем может быть чревато («Бегство Земли»); (3) власть радикальных сциентистов способна превратить науку в новую религию (в «Пари трансгуманистов», став мировым лидером и ниспровергнув институт религии, Джетро Найтс претендует на то, чтобы стать новым богом). Все это усложняет следующую проблему: на каких условиях возможна полноценная политическая субъектность науки? Не требуется ли для этого слишком больших жертв?..

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

Список литературы

- Bacon, F. (2010). *The New Atlantis*. Watchmaker Publishing.
- Bucchi, M. (2008). Of deficits, deviations and dialogues: Theories of public communication of science. In M. Bucchi & B. Trench (Eds.), *Handbook of Public Communication of Science and Technology* (pp. 57–76). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203928240-11>
- Cole-Turner, R. (2011). *Transhumanism and transcendence: Christian hope in an age of technological enhancement*. Georgetown University Press.
- Hauskeller, M. (2016). *Mythologies of Transhumanism*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-39741-2>
- Haynes, R. (2003). From Alchemy to Artificial Intelligence: Stereotypes of the Scientist in Western Literature. *Public Understanding of Science*, 12(3), 243–253. <https://doi.org/10.1177/0963662503123003>
- Hobsbawm, E. J. (1994). *The age of extremes: A history of the world, 1914–1991* (First American edition). Pantheon Books.
- Hughes, J. J. (2012). The Politics of Transhumanism and the Techno-Millennial Imagination, 1626–2030. *Zygon*, 47(4), 757–776. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.2012.01289.x>
- Istvan, Z. (2013). *The transhumanist wager*. Futurity Imagine Media LLC.
- John, S. (2018). Epistemic trust and the ethics of science communication: Against transparency, openness, sincerity and honesty. *Social Epistemology*, 32(2), 75–87. <https://doi.org/10.1080/02691728.2017.1410864>

- Keohane, R. O., Lane, M., & Oppenheimer, M. (2014). The ethics of scientific communication under uncertainty. *Politics, Philosophy & Economics*, 13(4), 343–368.
<https://doi.org/10.1177/1470594X14538570>
- Kitcher, P. (2011). *Science in a democratic society*. Prometheus Books.
- Mercer, C. R., & Trothen, T. J. (Eds.). (2015). *Religion and transhumanism: The unknown future of human enhancement*. Praeger, an imprint of ABC-CLIO, LLC.
- More, M. (2013). The Philosophy of Transhumanism. In M. More & N. Vita-More, *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future* (pp. 3–17). John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118555927.ch1>
- O'Neill, O. (2002). *Autonomy and trust in bioethics*. Cambridge University Press.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511606250>
- Schirrmacher, A. (2013). Introduction: Communicating Science: National Approaches in Twentieth-Century Europe. *Science in Context*, 26(3), 393–404.
<https://doi.org/10.1017/S0269889713000112>
- Schwartz, D. (2014). Why Bacon's Utopia is not a Dystopia: Technological and Ethical Progress in The New Atlantis. *Utopia in the Arts, Humanities and Social Sciences*, University of North Georgia. Utopia in the Arts, Humanities and Social Sciences, University of North Georgia.
<https://digitalcommons.northgeorgia.edu/alconf/2014/2014/8/>
- Whitney, D. (2018, June 7). Salvation Through Science? Bacon's New Atlantis and Transhumanism. VoegelinView. <https://voegelinview.com/salvation-science-bacons-new-atlantis-transhumanism/>
- Абрамов, Р. (2013). Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики. В *Время, вперед! Культурная политика в СССР* (с. 80–88). Издательский дом Высшей школы экономики.
- Абрамов, Р. Н., & Кожанов, А. А. (2015). Концептуализация феномена Popular Science: Модели взаимодействия науки, общества и медиа. *Социология науки и технологий*, 6(2), 45–59.
- Дмитриев, И. С. (2015). Хромой, обгоняющий бегуна (Instauratio Magna Scientiarum Ф. Бэкона как проект создания эффективной институализованной науки). *Социология науки и технологий*, 6(4), 9–33.
- Карсак, Ф. (1972). Бегство Земли. В *Львы Эльдорадо. Бегство Земли* (с. 196–327). Молодая гвардия.
- Касавин, И. Т. (2020). Наука как политический субъект. *Социологические исследования*, 7, 3–14.
<https://doi.org/10.31857/S013216250009293-5>
- Порус, В. Н., & Бажанов, В. А. (2021). Постнормальная наука: Между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 5(4), 15–33. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-15-33>
- Филиппов, С. И. (2021). Быть Богом: Социальный аспект одной позднесоветской утопии. В *Революция и эволюция: Модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всероссийской научной конференции* (с. 495–498). Русское общество истории и философии науки.
- Черткова, Е. Л. (2010). Наука в контексте утопии: Уроки истории. *Философия науки и техники*, 15(1), 263–276.
- Шибаршина, С. В. (2021). «Пари трансгуманистов» как предложение, от которого нельзя отказаться. *Цифровой ученый: лаборатория философа*, 4(4), 69–82.

References

- Abramov, R. (2013). Popularization of Science in the USSR as an Element of Cultural Policy. In *Time, forward! Cultural Policy in the USSR* (pp. 80–88). Higher School of Economics Publishing House. (In Russian).
- Abramov, R. N., & Kozhanov, A. A. (2015). Conceptualization of the Popular Science phenomenon: Models of interaction between science, society, and media. *Sociology of Science and Technology*, 6(2), 45–59. (In Russian).
- Bacon, F. (2010). *The New Atlantis*. Watchmaker Publishing.
- Bucchi, M. (2008). Of deficits, deviations and dialogues: Theories of public communication of science. In M. Bucchi & B. Trench (Eds.), *Handbook of Public Communication of Science and Technology* (pp. 57–76). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203928240-11>
- Chertkova, E. L. (2010). Science in the Context of Utopia: Lessons from History. *Philosophy of Science and Technology*, 15(1), 263–276. (In Russian).
- Cole-Turner, R. (2011). *Transhumanism and transcendence: Christian hope in an age of technological enhancement*. Georgetown University Press.
- Dmitriev, I. S. (2015). The Lame One Overtaking the Runner (Bacon's *Instauratio Magna Scientiarum* as a Project for the Creation of Effective Institutionalized Science).. *Sociology of Science and Technology*, 6(4), 9–33. (In Russian).
- Filippov, S. I. (2021). Being God: The Social Aspect of One Late Soviet Utopia. In *Revolution and Evolution: Models of Development in Science, Culture, and Society: Proceedings of the Third All-Russian Scientific Conference* (pp. 495–498). Russian Society for the History and Philosophy of Science. (In Russian).
- Hauskeller, M. (2016). *Mythologies of Transhumanism*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-39741-2>
- Haynes, R. (2003). From Alchemy to Artificial Intelligence: Stereotypes of the Scientist in Western Literature. *Public Understanding of Science*, 12(3), 243–253. <https://doi.org/10.1177/0963662503123003>
- Hobsbawm, E. J. (1994). *The age of extremes: A history of the world, 1914-1991* (First American edition). Pantheon Books.
- Hughes, J. J. (2012). The Politics of Transhumanism and the Techno-Millennial Imagination, 1626-2030. *Zygon®*, 47(4), 757–776. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.2012.01289.x>
- Istvan, Z. (2013). *The transhumanist wager*. Futurity Imagine Media LLC.
- John, S. (2018). Epistemic trust and the ethics of science communication: Against transparency, openness, sincerity and honesty. *Social Epistemology*, 32(2), 75–87. <https://doi.org/10.1080/02691728.2017.1410864>
- Karsak, F. (1972). The Escape of the Earth. In *Lions of El Dorado. The Escape of the Earth* (pp. 196–327). Molodaja gvardija. (In Russian).
- Kasavin, I. T. (2020). Science as a Political Agent. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 7, 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250009293-5> (In Russian).
- Keohane, R. O., Lane, M., & Oppenheimer, M. (2014). The ethics of scientific communication under uncertainty. *Politics, Philosophy & Economics*, 13(4), 343–368. <https://doi.org/10.1177/1470594X14538570>

- Kitcher, P. (2011). *Science in a democratic society*. Prometheus Books.
- Mercer, C. R., & Trothen, T. J. (Eds.). (2015). *Religion and transhumanism: The unknown future of human enhancement*. Praeger, an imprint of ABC-CLIO, LLC.
- More, M. (2013). The Philosophy of Transhumanism. In M. More & N. Vita-More, *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future* (pp. 3–17). John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118555927.ch1>
- O'Neill, O. (2002). *Autonomy and trust in bioethics*. Cambridge University Press.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511606250>
- Porus, V. N., & Bazhanov, V. A. (2021). Post-Normal Science: Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 5(4), 15–33. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-15-33> (In Russian).
- Schirmacher, A. (2013). Introduction: Communicating Science: National Approaches in Twentieth-Century Europe. *Science in Context*, 26(3), 393–404.
<https://doi.org/10.1017/S0269889713000112>
- Schwartz, D. (2014). Why Bacon's Utopia is not a Dystopia: Technological and Ethical Progress in The New Atlantis. *Utopia in the Arts, Humanities and Social Sciences*, University of North Georgia. Utopia in the Arts, Humanities and Social Sciences, University of North Georgia.
<https://digitalcommons.northgeorgia.edu/alconf/2014/2014/8/>
- Shibarshina, S. V. (2021). “Transhumanist wager” as an offer that cannot be refused. *Digital Scientist: The Philosopher's Lab*, 4(4), 69–82. (In Russian).
- Whitney, D. (2018, June 7). Salvation Through Science? Bacon's New Atlantis and Transhumanism. *VoegelinView*. <https://voegelinview.com/salvation-science-bacons-new-atlantis-transhumanism/>